

РЕСТИТУЦИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ВСТРЕЧНОСТЬ И ОТХОД ОТ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ

Научный руководитель – Вячеславов Фёдор Александрович

Пристансков Егор Иванович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: Voland-Satana@yandex.ru

В настоящее время с точки зрения как теории, так и практики, остаются актуальными некоторые вопросы, связанные с правовым регулированием реституции. Среди них можно выделить вопрос наличия синаллагмы в реституции и отход от принципа диспозитивности при ее реализации.

Наиболее верным представляется взгляд А. Бехманна на синаллагматическую связь [3, с. 540-549]. Он выделяет в этой связи 2 уровня: генетический и функциональный. Генетическая уровень отражает сущностную связь обязательств, а именно, невозможность возникновения одного обязательства без другого. Функциональный уровень состоит в том, что обязательственное требование об исполнении может быть реализованы тогда, когда остается возможным исполнение встречного требования, а реализация такого требования обусловлена необходимостью начала собственного исполнения. Синаллагма может иметь место только в том случае, если есть генетическая связь [2, с. 364-365]. Это возможно, если обязательства возникают из договора *только непременно вместе и по одному связанному основанию и являются взаимно обусловленными, то есть являются условиями существования друг друга* [2, с. 364].

Относительно генетического уровня синаллагмы в реституции можно сказать:

1) нет единого связанного основания возникновения обязанностей, поскольку такие основания не являются тождественными: в каждом случае свой факт предоставления и удержания имущества стороной без права на это;

2) время возникновения таких обязанностей может быть разным, поскольку по общему правилу сделка признается недействительной с момента заключения (или является таковой при ничтожности сделки), а следовательно, если предоставления были сделаны в разное время, то и неосновательное удержание и реституционные обязанности возникают в разное время;

3) реституционные обязанности не являются условием существования друг друга, ибо условием реституции (п. 2 ст. 167 ГК) является удержание имущества другой стороны без должных правовых оснований (недействительность сделки), а не ожидания возвращения имущества другой стороной.

Таким образом, в реституционных отношениях отсутствует генетический уровень синаллагматической связи.

О наличии функциональной синаллагматической связи в реституции в российском праве позволяют говорить п. 3 ст. 307.1 ГК (о субсидиарном применении к реституционным отношениям общих положений об обязательствах) и судебная практика [4, 5, 6]. Суды склонны распространять на реституционные отношения нормы о встречности (ст. 328 ГК) и связанные с нею нормы (напр., ст. 359 ГК), хотя закон не решает эту проблему однозначно.

Обоснованность применения к реституционным отношениям норм о встречности - функциональной связи - вопреки отсутствию в таких отношениях генетической уровня синаллагмы стоит искать в принципе справедливости права вообще, и гражданского права в

частности. Было бы несправедливо требовать от другой стороны возврата представления, если сам полученное представление возвращать не собираешься (или такое представление не истребуется). Данный принцип имеет своим следствием недопустимость неосновательного обогащения. Однако такую функциональную связанность нельзя рассматривать как подтверждение наличия синаллагмы в реституции, как это делают некоторые авторы [1].

В связи с ранее упомянутыми основаниями применения норм о встречности к реституции, делается вывод, что обязанность суда рассмотреть вопрос о присуждении к реституции стороны, которой были удовлетворены заявленные реституционные требования в пользу другой стороны [5, п. 80], является прямым следствием реализации функциональной синаллагматической связи в реституционных отношениях и служит способом для воплощения в жизнь принципа справедливости и недопущения ситуации неосновательного обогащения.

В отношении права суда самостоятельно применять последствия недействительности сделки (п. 4 ст. 166 ГК), если обе стороны не делали такое заявление [5, п. 84] можно сделать следующий вывод. Данное право суда применимо лишь к последствиям ничтожности сделки. Право сторон оспаривать сделку без заявления требования реституции можно вывести из указанного Пленума ВС РФ при отсутствии явного на это запрета. Распространять право суда самостоятельно применять реституцию при оспаривании сделки нельзя, поскольку это необоснованно ограничивало бы диспозитивность сторон прекратить обязательства суррогатами исполнения (зачет, отступное и т.п.), а также ввиду отсутствия затрагивания публичных интересов в случае оспоримости сделки.

Однако в некоторых случаях суд должен вмешиваться в такие отношения. Это обоснованно, когда предоставление сделала лишь одна сторона. В данном случае воля сторон при неосуществлении реституции может быть направлена на обход запрета, например, дарения между коммерческими организациями (подп. 4 п. 1 ст. 575 ГК). В подобных случаях судам следует устанавливать цель разделения требований оспаривания и применения реституции. Если будет установлена цель обхода закона, то суд может в отношении прикрываемой сделки применить последствия реституции самостоятельно (п. 4 ст. 166 ГК). Однако вопрос нерешенным остается вопрос исполнения судебного решения, поскольку исполнительное производство начинается по заявлению сторон, которые могут его и не начать.

Вывод: применение к реституции норм о встречности обоснованно недопущением неосновательного обогащения, а не наличия в ней синаллагмы. Отход от принципа диспозитивности при реализации реституции обуславливается функциональной встречностью реституции.

Источники и литература

- 1) Егоров А. В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник Высшего Арбитражного Суда. – 2010. – № 12
- 2) Макарова Р.В. Понятие синаллагматической связи в праве Англии и России // Известия ВУЗов. Правоведение. 2018. №2. С. 362-381
- 3) Bechmann A. Der Kauf nach gemeinem Recht. Bg. 1. Geschichte des Kaufs im Romischen Recht. Erlangen, 1876
- 4) Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»

- 5) Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»
- 6) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»
- 7) Определение ВС РФ от 03 августа 2020 г. № 307-ЭС20-2237 по делу № А60-53993/2018